

№ 26 (211) 3 - 9 июля 1997 года

ПРОСЧЕКТ

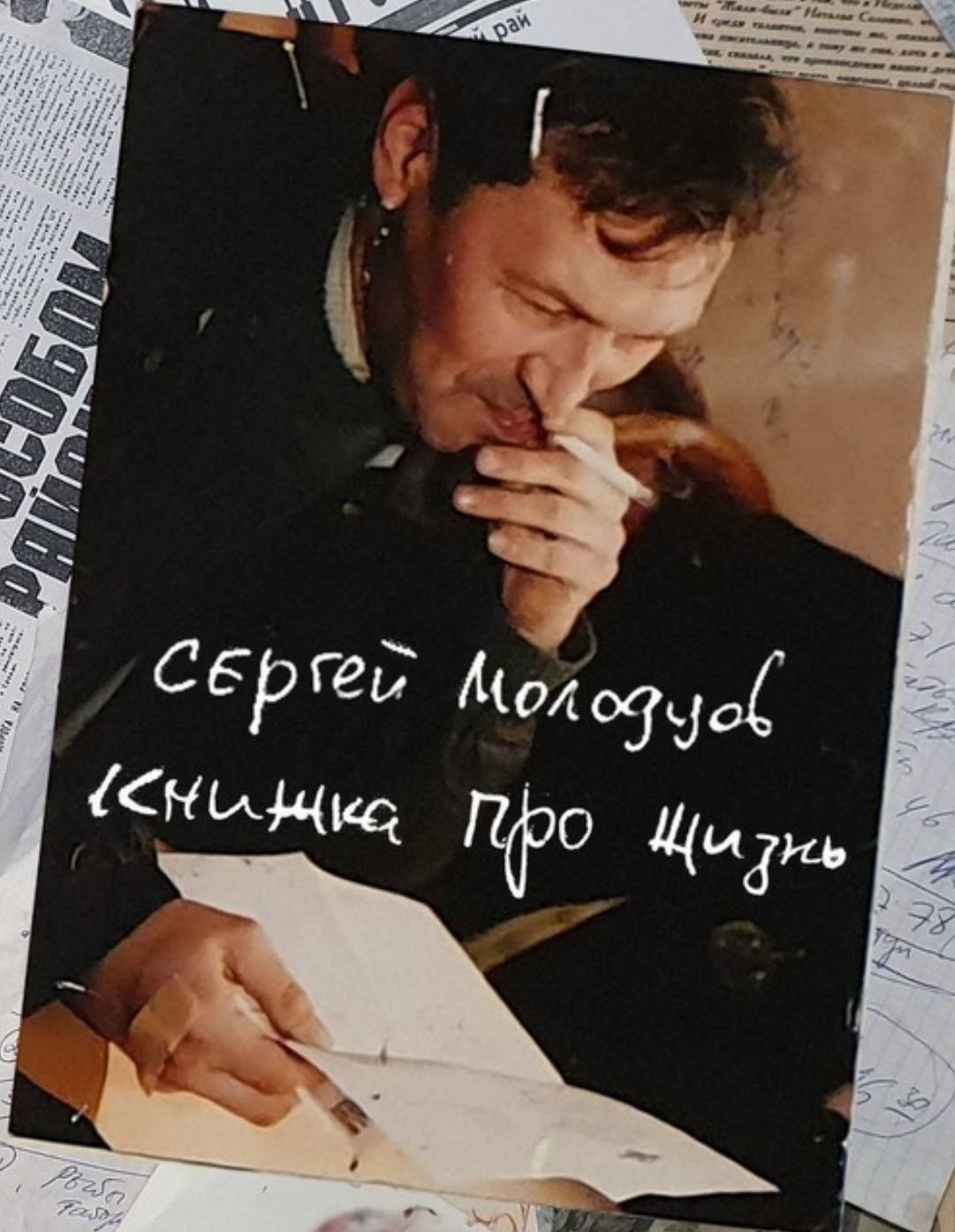
И-БЫЛИ

ИЗ СМЕРТИ

В ОСОБОМ РАЙОНЕ

Воскресенье, 11 июля 1997 года

Сергей Молодцов
Книжка про жизнь

Handwritten notes and lists on a piece of paper, including names and numbers.

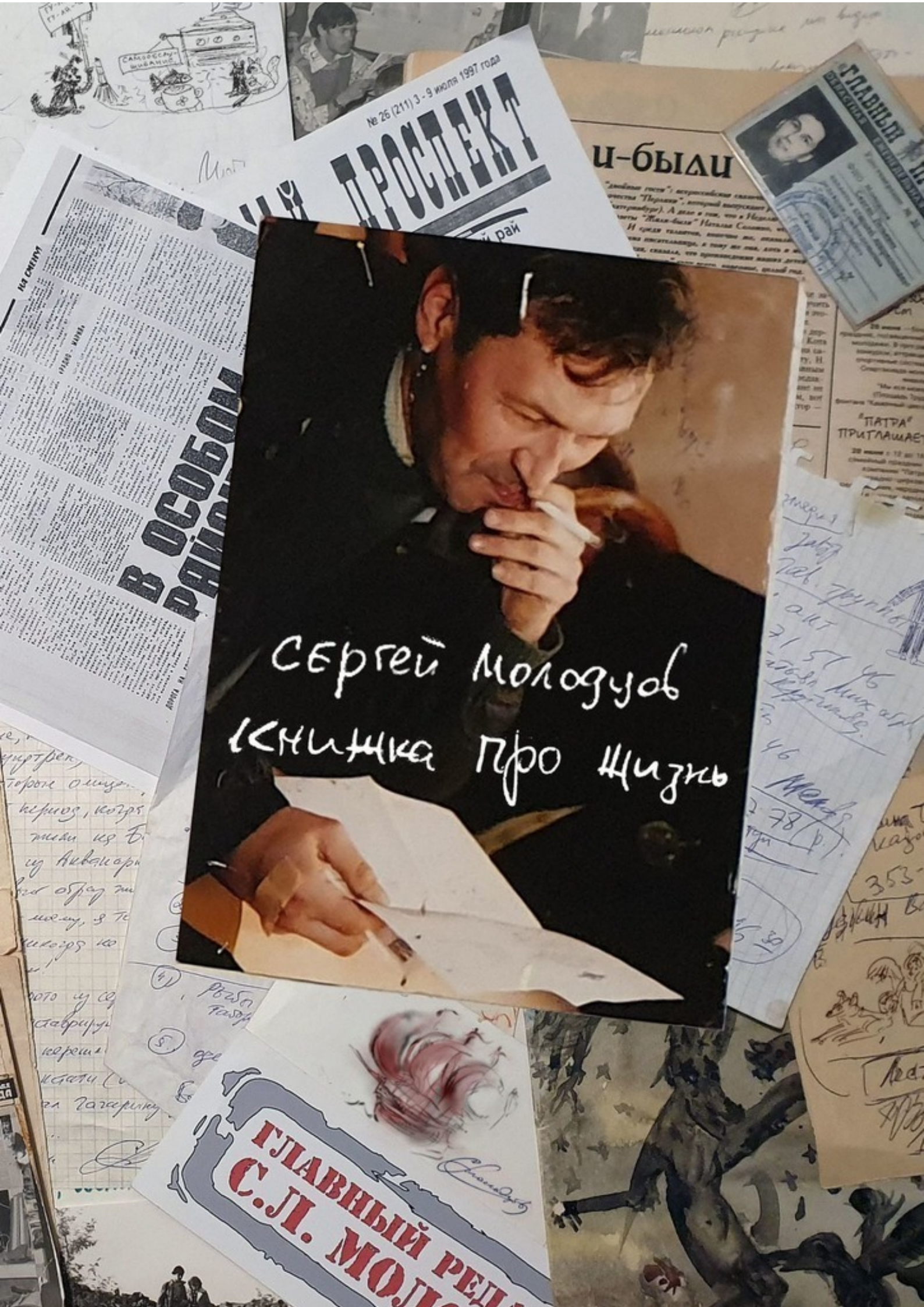
Меня?

78

46

353

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.Л. МОЛОДЦОВ

Сергей Молодцов
Книжка про жизнь

«Издательские решения»

Молодцов С. Л.

Книжка про жизнь / С. Л. Молодцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505510-1

Этот сборник литературных миниатюр, сказок, сценариев и стихов в разное время написанных талантливым уральским журналистом Сергеем Молодцовым, адресован, прежде всего, его близким, друзьям и знакомым, которые помнят его беспокойную интонацию, горящий взгляд, грустную улыбку. Это последняя возможность взглянуть на мир его глазами. А для кого-то, может, и первая.

ISBN 978-5-00-505510-1

© Молодцов С. Л.
© Издательские решения

Содержание

КНИЖКА ПРО ЖИЗНЬ	6
ИЗБРАННЫЕ ФИМКИ	7
Предфимие (от автора)	7
ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД	9
Ленинским курсом	9
Закрытый город	9
Телебашня	11
ШКОЛА ЖИЗНИ	13
А сапоги?!	13
На зарядку	14
Солдатская смекалка	14
Саттелиты	15
Мужская дружба	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Книжка про жизнь

Сергей Лельевич Молодцов

Редактор Георгий Молодцов

Редактор Юрий Шинкаренко

Редактор Анна Мясникова

Составитель Гюзелла Николайшвили

Составитель Юлия Коваль-Молодцова

© Сергей Лельевич Молодцов, 2019

ISBN 978-5-0050-5510-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Молодцов начал собирать и систематизировать написанные им материалы за полгода до своего 45-летия и чуть меньше чем за год до смерти. Среди них мы нашли предисловие к этой книге, так и озаглавленной – «Книжка про жизнь». Надеемся, что собранный нами коллаж произведений позволит запомнить его жизнь такой, какой он видел ее сам.

КНИЖКА ПРО ЖИЗНЬ

Посвящается Гуле, Юле, Гоше, Маше и Глебу, и еще особенно Кате. ну, то есть, тем, кого я люблю и кому я (надеюсь) дорог!

И – СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ПАПЫ ЛЕЛИКА

...В новом, 2007-м году (когда эта книжка, надеюсь, увидит свет) мне стукнет 45 лет. К этому странному событию я решил по настоянию друзей и близких собрать воедино отдельные свои дурацкие рассказы, истории и даже стихи.

Увы, часть моего творчества утрачена почти безвозвратно. Ибо за 35 лет (а творить я начал лет так в 10) я сменил слишком много мест обитания, квартир, городов и (иногда) стран.

Надеюсь, что у кого-нибудь отыщутся подлинники моих ранних произведений. Кое-что можно будет найти в интернете. А пока же, мои любимые читатели, я (фактически по крупицам) собрал вот этот сборничек. В нём вы найдёте не только тексты, но и иллюстрации, ранее нигде не публиковавшиеся.

Но дело не в этом! Просто читайте и хихикайте!

Всегда ваш – С. Молодцов

ИЗБРАННЫЕ ФИМКИ

Предфимие (от автора)

Прежде чем Вы, дорогой читатель, углубитесь в занимательное чтение этих незамысловатых записок, считаю своим долгом кое-что объяснить. Во-первых, что такое «фимки»? Я долго искал название тому жанру, в котором на протяжении многих лет выражал свое мироощущение. Кто-то называл это «байками», кто-то предпочитал термин «рассказики». А бывают еще рубаи и хайку, которыми тоже очень интересно и забавно выражать даже банальные мысли. Ну, например:

*Вышел из дома с собакой к подножию Фудзи —
Где ж Фудзи-яма?!
Это Уктусские горы – пить надо меньше*

Или вот такой рубайчик:
*Не все ль равно, где был во время путча,
От этого стране не стало лучше.
Налей вина, приобними гитару,
Пока не стал занудливым и старым...*

Но дело не в этом. Почему все-таки «фимки», а не, скажем, «сережки» или «молодцайки»? О, это тоже история. Накануне так называемого миллениума я совершенно случайно приобрел новое имя – Серафим. Дело было поздним осенним вечером, мы с подругой писали ее любимому брату письмо на редакционном компьютере, чтобы отправить по электронной почте (тогда это казалось если и не прорывом в будущее, то уж точно – очень современным и удобным способом общения). Послание писалось изысканно-возвышенным штилем, а потому и завизировать его хотелось как-нибудь манерно. Девочка вспомнила, как в раннем отрочестве любила изображать перед старшим братом женщину ахматовского типа и называлась Жозефиной. К подписи «Жозефина» явно не подходил тривиальный «Серега». И она предложила назваться Серафимом. Уж не знаю, какие фрейдистские механизмы сработали в ее подкорке. Возможно, имя навеяло перепечатанное накануне постановление городской Думы, располагавшейся прямо под нашей редакцией. Там вице-спикером трудился депутат Серафим Серафимович, что само по себе смешно и хорошо забивается в мозг. Я же склонен видеть в этом знамение, потому что заученные со школьной скамьи лермонтовские поэмы на долгие годы оставили в голове только фразу про Серафима, явившегося на перепутье... Как раз на таком вот перепутье находились в тот период и наши отношения, и вообще все жизненные принципы. Предчувствие нового века, должно быть. Так что шестикрылое имя явилось не случайно...

Но дело не в этом, разумеется. Позже, для простоты обращения «Серафим» трансформировался в «Фиму», «Фимку» и даже «Фимочку». Это и понятно: Серафим – серый Фима. Тем паче, что имя «Серый» сопутствовало мне класса так с третьего и до самой армии. В армии оно преобразовалось в «Сержант» с ударением на первом слого. Хотя сержантом я стал не сразу. Имя же «Серый» в сочетании с весьма жизнеутверждающей фамилией «Молодцов» давало очень необычный эффект, вызывая некую парадоксальность, антагонистичность даже. Ну, как,

например, «Глупый Мудрецов» или «Вялый Бодрцов»... К слову сказать, спонтанная эта противоречивость впоследствии и определила мою жизнь.

Итак, «фимки». Это даже не жанр, а скорее просто разновидность автобиографических историек, которые почему-то так любят прослушивать в различных интерпретациях и пересказывать знакомые и незнакомые люди на вечеринках, в барах и во время приватных полуночных бдений. Фимки и фимки – не все ли равно? Дело-то не в этом...

ЗАКРЫТЫЙ ГОРОД

Ленинским курсом

К нам в подготовительную группу детского сада, почему-то во время тихого часа, пришла учительница начальных классов Нелли Аркадьевна. Меня разбудили, вывели в трусиках и маечке в фойе, посадили перед мольбертом и прикрепили к нему газету «Правда». Нелли Аркадьевна показала указкой на букву «П» и спросила, знаю ли я эту букву. Я прочитал все слово. А еще, на всякий случай, заголовок передовицы «Ленинским курсом». Учительница была в восторге и предложила мне написать и нарисовать что-нибудь на листке ватмана, прикрепленном к этому же мольберту. Я написал печатными буквами (непечатными тогда еще не умел) слова «Ленинским курсом» и нарисовал пальму, жирафа и двух обезьянок. То ли сказался тогдашний бум дружбы с африканскими странами, то ли я начитался Корнея Чуковского, но только в картинке этой для меня был сосредоточен весь смысл грядущей, полной счастья и радости, жизни. Жираф больше походил на обрубленную сверху березку со змеиной головой и маленькими рождками, так как это животное я видел исключительно в книжках, в уродливом изображении отечественных иллюстраторов. Зато обезьянки идентифицировались легко – летом родители возили меня на юг, где я впервые побывал в Сухумском обезьяньем питомнике. В последний раз мне довелось посетить его накануне грузино-абхазской войны. Но это было позже. А тогда обезьянки мне особенно удались. Их было две – мальчик и девочка (с бантиком потому что), жираф-березка держал во рту некий плод (я предполагал, что это – ананас), отчего картинка моя носила почти библейский характер.

Нелли Аркадьевна, пораженная необычным видением ленинского курса, не стала меня экзаменовывать дальше и записала в свой, считавшийся очень престижным, первый «А» класс.

– Только карандаш нужно держать в правой руке, – добродушно сказала она.

– Да что вы, – вздохнула воспитательница, – мы его три года переучивали ложку держать в правой руке – замучались!

– Ну ладно, – согласилась моя будущая первая учительница, – левой, так левой. Какая разница?

С тех пор меня никто не пытался переучить, и я с легкой (правой) руки Нелли Аркадьевны остался на всю последующую жизнь полноправным левшой. Тогда я еще не понимал, что таким образом с младых ногтей уже оказался в оппозиции к праворукому большинству. Но мне это почти не мешало. Разве что чернила всегда размазывались, потому что в русском правописании (а не левописании), увы, интересы меньшинств не учитываются. И еще по утвержденным гигиеническим правилам свет в классных комнатах должен падать слева. Для удобства пишущих. Мне же приходилось напрягать зрение, потому что «неправильная» рука закрывала правильно падающий свет. Вследствие чего к концу обучения левый глаз видел чуть хуже правого.

Закрытый город

Когда мне исполнилось девять лет, я получил свой первый в жизни пропуск – ученический билет, дававший право самостоятельного выхода из города. Дело в том, что город был из разряда «голубых», у которых названия нет и которые сняты людям только иногда. То есть – почтовый ящик секретно-оборонного значения. С раннего детства я знал, что моя малая

родина называется «закрытый город» или «почтовый ящик». Жить в почтовом ящике как-то не хотелось, а вот «закрытый город» – это таинственно и необычно. Вроде затерянного рая или затонувшего корабля. Войти в него некоренной житель мог только ненадолго и по специальному (временному) пропуску. Мы же – так сказать, аборигены – имели пропуска постоянные, с фотокарточкой и несколькими специальными штампами. В ученическом билете обязательно (кроме школьной круглой печати) ставился фиолетовый штамп, стилизованно изображающий семафор. Мол, путь открыт. До девяти лет дети могли входить и выходить только с родителями. Ученический же билет делал тебя самостоятельным и независимым. Главное – раз в год обновлять семафорик в режимном отделе (учительница всегда напоминала перед летними каникулами: «Не забудьте сходить в режим, а то все лето в городе просидите!»). Понятно, что загадочный «режим» мы соблюдали исправно, ибо за пределами забора с колючей проволокой, который защищал «почтовый ящик» от чужаков, был замечательный пруд с лодочной станцией и вышкой для ныряния, лес, богатый грибами и ягодами и непередаваемое ощущение причастности к большому миру открытых городов.

Я, разумеется, не знал, почему мой город огорожен и неприступен. Мне хотелось верить, что это как-то связано с освоением космоса, луноходами и ракетами. Насчет последних я был, как оказалось, очень близок к истине. Правда, ракеты, к которым имел отношение мой город, предназначались не для космических путешествий. Ибо градообразующим предприятием являлся комбинат, где помимо всего прочего обогащали урановую руду. Но дело не в этом.

Режим секретности, впитанный с молоком матери, оказался не таким уж безупречным. Когда нас всем классом вывозили в областной центр на цирковое представление или балет, в незыблемой системе обнаруживались серьезные изъяны. Охранник на пропускном пункте заглядывал в автобус, зычно спрашивал: «У всех пропуска есть?» и, после наших утвердительных криков, открывал ворота... Точно так же мы возвращались в свою зону. Хотя в это же время другие охранники тщательно проверяли багажники въезжающих «москвичей» и «запорожцев», в которых мог укрыться разве что шпион-карлик. Окончательно мою веру в надежность режима разрушили многочисленные подружки соседа-студента, которых он каждые выходные привозил на экскурсию в наш заповедник из областной столицы. Кого-то проводил через дырки в заборе (их знали все, кроме служителей режима), других без особых проблем пропускали на КПП по чужим удостоверениям.

Позже, когда, переехав с родителями на «большую землю», я сам утратил право на посещение исторической родины, мне довелось испытать на себе сладкий вкус проникновения на запретную территорию. Вооружившись кусачками и брезентовыми рукавицами, я преодолел две линии колючей проволоки и контрольно-следовую полосу без сучка и задоринки. Правда, на обратном пути меня все же поймали. Привели в будку охраны и стали допрашивать. Я ушел в полную несознанку, назвал вымышленным именем и даже искренне удивился, что нарушил какой-то режим.

– С какой целью вы проникли в город? – спрашивала тетенька-стрелок.

– Какой город?! – в свою очередь изумлялся я, – Тут лес, я грибы собирал, смотрю – дыра в ограждении, решил поискать грибы. Тут город что ли?! А на карте ничего нету!

Охранники поняли, что лучше не продолжать и отпустили меня с миром. Да и на американского шпиона я совсем не походил (хотя кто их, этих шпионов, видел хоть раз?). В общем, простым логическим рассуждением – «Нет города – нет и нарушения режима» я отвоевал себе легкую свободу. Ну и на родные места посмотрел, с однокашниками повидался. Чертовски приятное ощущение, скажу я вам – пробираться через колючую проволоку, под покровом густого

леса в утреннем тумане туда, где ты родился и прожил 16 лет... Но, конечно, не только в этом дело. Пока жители открытых городов безмятежно жили за общесоюзным железным занавесом, я уже познал и всеилие закрытого режима, и его откровенно слабые места. Первый опыт проживания в особой зоне вселил уверенность, что в этом мире даже кажущаяся неизбежность – всего лишь блеф. Он действует до тех пор, пока кто-нибудь не крикнет: «А король-то голый!». А затем каждый решает для себя, как этим обстоятельством воспользоваться. Делать вид, что король одет, и жить спокойно, надеясь, что бедняга простынет и помрет естественной смертью, либо орать до изнеможения про нудистские наклонности, рискуя в лучшем случае охрипнуть.

Телебашня

Первая слава ко мне пришла рано. Все началось безобидно: папа привез из Москвы две куклы для моего домашнего кукольного театра. Эти – кошка и собака – отличались от остальных тем, что у них при помощи лески открывались рты, а внутри были специальные проводочки, позволяющие двигать хвостами. Такой небывалый спектр возможностей привел меня в замешательство: как одновременно открывать рот и двигать хвостом? Двумя руками можно было проделать только какую-то одну операцию. За помощью я отправился в городской кукольный театр к специалистам. Замечу, что было мне тогда только шесть лет, но я мыслил вполне рационально. Профессиональные кукловоды умилились и без сюсюканья, как равному, объяснили мне, как выкрутиться из непростой ситуации.

– Видишь ли, животные не всегда машут хвостом. Например, собака виляет хвостом, когда радуется. А кошка, наоборот, если задумала какую-нибудь пакость или приготовилась изловить мышь. Поэтому в одном случае ты будешь открывать ротик, а в другом вилять хвостиком.

Позже я заметил, что этот принцип используется не только для управления куклами...

Среди этих мудрых людей была необычайно экстравагантная дама по имени Олимпиада Ивановна. Она раньше работала в кукольном театре художником, а теперь учила рисованию и лепке в изостудии при станции юных техников. Олимпиаде Ивановне я понравился, и она пригласила меня в свой кружок. Более того, она сводила меня к себе домой, в фантастическую квартиру-мастерскую, увешанную портретами, натюрмортами, сценическими эскизами и карандашными рисунками голых мускулистых мужчин и женщин.

Олимпиада Ивановна подарила мне настоящую театральную куклу-марионетку на ниточках и попросила нарисовать что-нибудь карандашом. Я проделал свой, уже опробованный на Нелли Аркадьевне, трюк – изобразил левой рукой пальму, жирафа и двух обезьян. Вместо слов «ленинским курсом» я нарисовал солнышко (для убедительности) и черепаху. Тогда был период повального увлечения черепахами, их продавали из сеток на вокзале по десять копеек за штуку. Разумеется, и у нас дома ползала маленькая грустная черепашка. Так что этот новый персонаж получился самым реалистичным. Короче говоря, эффект был достигнут полностью, Олимпиада Ивановна сказала, что я просто обязан развивать свой талант и заниматься в ее изостудии.

Первым моим шедевром стала картина под названием «Останкинская телебашня». Ее только что построили, поэтому новый символ народного благосостояния будоражил мой творческий ум. И хотя сама башня была серой, небо вокруг нее получилось просто бесподобным. Голубым с белыми кучевыми облаками, какими-то размытыми бликами и лучами. Дело в том, что накануне я опрокинул на чистый лист, предназначенный для чего-то важного, баночку

с водой. Вода при этом была не прозрачная, в ней успели пополоскать кисточку. Вода была синей. Так и родилось бесподобное по своей насыщенности и цвету небо вокруг телебашни. Чтобы избежать неминуемого порицания за испорченный лист, я спешно набросал контуры этого чуда инженерной мысли, не забыв про ресторан «Седьмое небо». Получилось очень даже ничего. Серенькая такая, рельефная, с круглыми иллюминаторами башенка. Олимпиада Ивановна была потрясена моей акварельной техникой, долго вглядывалась в размывы, что-то подправляла тонкой беличьей кисточкой, внося мастерские штрихи. Стоит ли удивляться тому, что на городском конкурсе детского рисунка моя телебашня взяла гран-при? Правда, после этого грандиозного триумфа я остыл к изобразительному искусству и покинул студию навсегда. Официальным оправданием этого поступка служил переезд станции юных техников в новое помещение на другом конце города. Малышу (а я все-таки был еще малышом) самостоятельно добираться было проблематично, а родители в силу постоянной занятости на работе сопровождать меня не имели возможности. Изобразительное искусство на долгие годы потеряло в моем лице своего преданного служителя. Но дело, думаю, не в этом.

ШКОЛА ЖИЗНИ

В моей памяти отпечатались три ключевых слогана советской эпохи: «Профсоюзы – школа коммунизма», «Альпинизм – школа мужества» и «Армия – школа жизни». Все три этих школы я успешно закончил. Но в преддверии самого мужского праздника – 23 февраля – хотел бы поделиться соображениями именно по поводу школы жизни. Тем более, что по сравнению с коммунизмом и альпинизмом это все-таки круче.

А сапоги?!

Считается, что армия человека превращает в тупое и послушное существо. У которого одна извилина – и та от козырька. Совершенно напрасно, между прочим. Дисциплина, на которой (якобы) держатся наши Вооруженные Силы, на самом деле отнюдь не главное достояние, с которым возмужавшие призывники возвращаются на дембель. Настоящий мужчина начинается с обуви. Вернее – с ее внешнего вида. До службы в армии я как-то не задумывался об этом, полагая, что обувь должна служить ее хозяину, а не наоборот. После двухлетней ежедневной чистки сапог до зеркального блеска это заблуждение развеялось: блестящая, ухоженная и стильная (то бишь, соответствующая моменту) обувь превращает особь мужского пола в мужчину. Армия не диктовала стиля или моды – это в ней стабильно и навеки. Но она в лице прапорщика или сержанта вбила в подкорку главное: осмотр начинается с ног. Поверьте, именно с ног на меня начинали смотреть девушки и женщины, которые впоследствии занимали какую-то нишу в моей жизни. Если девушку не интересует моя обувь, я теряю к ней интерес! А когда потенциальная возлюбленная при первом знакомстве говорит: «О! Какие у тебя ботинки!» – я благодарю старшего прапорщика Железняка. Ибо знаю, что встретил настоящую девушку!

Возможно, старший прапорщик не подозревал о таких перспективах, но интуитивно понимал, что в жизни нам это обязательно пригодится. Хотя, скорее всего, он просто добивался выполнения устава и экономии гуталина, который сбывал на сторону...

На зарядку

Никогда не любил утреннюю гимнастику. Ненавидел радиопередачу, в которой бодрые голоса под не менее бодрую музыку призывали население поставить ноги на ширину плеч и наклоняться, наклоняться, наклоняться... Армия убедила меня в том, что это не так уж плохо. Это даже хорошо! Во-первых, потому что зарядка (кто бы мог подумать?) заряжает энергией на весь день, а во-вторых, потому что попробуй ее не делать! За два года такого ежедневного тренинга ты «подсаживаешься» на утреннюю гимнастику (пробежку, кросс) и потом несколько лет не можешь соскочить с этой иглы. Просыпаешься ни свет ни заря, ноги сами пытаются встать на ширину плеч, а руки вытягиваются перед собой. Добавьте продуманный рацион питания (который возможен только в армейской кухне, ибо старший прапорщик все калорийное давно пропил или продал), и вы поймете, как прелестна суперсистема «Солдатская» для похудания и идеальных форм. Мужских форм, замечу...

Солдатская смекалка

Не так давно посреди ночи во мне проснулся художник. Мне срочно нужно было изобразить то, чем я грезил – некий старинный Замок на берегу моря. Ни красок, ни кисточек у меня не было. Почти спонтанно я взял помазок для бритвы, тюбик крема для обуви (который теперь всегда есть наготове, см. выше) и нарисовал этими подручными средствами желаемое. Позже профессиональные художники утверждали, что техника просто потрясающая. И долго допытывались у меня, чем это я создал такую нетленку. А я вдруг понял, что это она – моя Армия – вновь аукнулась в творческом экстазе. Старший прапорщик Железюк как-то раз разбудил меня на рассвете и сказал: «До приезда начальства из округа надо покрасить „сапожок“ у бани в серый цвет. Выполняй!». Я спросил, нет ли краски, кисточек и прочих необходимых

материалов. Железюк вскучил брови и изумленно ответил: «А солдатская смекалка на что? Возьми помазок для бритья, разведи гуталин в тазике для ног и – вперед!».

Солдатская смекалка вообще свойственна русскому мужику. Я благодарен этой школе, так как смекалка эта выручала меня в таких ситуациях, в каких нормальный человек либо опустил бы руки, либо застрелился.

Саттелиты

Вспомнился замполит в армии. Было это аж 20 лет назад. Читает он нам по какой-то брошюрке лекцию о проклятых империалистах и США: «Главная угроза миру – США и ее саттелиты!» Голос из зала «шибко умного солдата»: «А саттелиты – это кто такие?» Замполит (в некотором замешательстве): «Саттелиты – это значит враги СССР! И вообще, чтобы не задавать глупых вопросов – вот эту книжку почитайте. В ней написано много хорошего про СССР, и еще больше – про Америку и саттелитов этих!» Очередь на книгу, где про Америку написано больше хорошего, чем про СССР, была большая...

Мужская дружба

Лет десять спустя после дембеля я встретил в аэропорту одной европейской страны своего однополчанина. Он направлялся вместе с молодой женой в свадебный круиз. Узнав в толпе меня, армейский дружок, шокируя публику, заорал на весь аэропорт: «Товарищ старший сержант!!!!» (я закончил службу в этом звании). После коротких объятий и обмена любезностями сослуживец представил меня своей супруге: «Вот, Света, познакомься! Мы с ним полгода спали вместе!»... Света захлопала глазками и смущенно уточнила: «В каком смысле?». «Нет, Светка, ты не то подумала! Он был сверху, а я – снизу! Ну, в армии!». Я постарался успокоить новобрачную, рассказав ей о двухъярусных кроватях и солдатской дружбе навеки. При том, что «друг» помнил только мое звание и фамилию...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.